

Исходя из рисунка, ВСТС рассчитывается как разница между рыночной стоимостью иностранного аналога $ВРСА_n$ и отечественного автомобиля, принятого в качестве эталона $РСА_0$ на внутреннем рынке:

$$ВСТС = ВРСА_n K_n - РСА_0, \quad (5)$$

где K_n – коэффициент, учитывающий идентификацию иностранного лизингового автомобиля в сравнении с отечественным эталоном.

Тогда мотивационная модель определения таможенной пошлины (ТП) может быть представлена следующим образом:

$$ТП = f(ВСТС, ЕС, K_n, K_z, K_a), \quad (6)$$

где ЕС – единая унифицированная таможенная ставка для оценки значимости определенной таможенной группы автомобилей для республики; K_z – коэффициент соответствия современным экологическим стандартам Евро (действующим и перспективным стандартам); K_a – ко-

эффициент значимости автомобилей для экономики республики.

ВЫВОД

Предложенная схема таможенного обложения, а также методология определения эффективности лизинга позволят повысить эффективность каждой составляющей модели, придать государственной политике в области таможенного регулирования и лизинга транспорта направленность в сторону мотивации закупок белорусских грузовых автомобилей, соответствующих стандарту Евро-3, осуществляющих международные грузоперевозки, что позволит увеличить валютные поступления в бюджет страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивуть Р. Б., Нарушевич С. А. Логистика. – Мн.: БНТУ, 2004. – 328 с.
2. Ивуть Р. Б., Кисель Т. Р. Лизинг на транспорте: Учеб. пособие. – Мн.: БГПА, 2001. – 151 с.

УДК 177:17.03

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕННЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Асп. ХРАМЦОВА О. М.

Белорусский национальный технический университет

Постмодернизм как широкое культурное течение включает философию, эстетику, искусство, науку. В последней трети XX в. в жизни США, стран Западной Европы произошли качественные перемены, которые позволили говорить о зарождении нового, постиндустриального общества. В этом обществе на смену проблемам классического, индустриального капитализма пришли другие, одна из которых – потеря ориентиров, отсутствие объединяющей общества идеи. Наиболее выраженным признаком постиндустриальной культуры является смена приоритетов – акцент делается на техническом, а не социальном прогрессе, на производстве информации, а не вещей. Все большую

роль приобретают компьютерные методы производства артефактов.

Постмодернистская ситуация распространяется и на сферу науки. Постмодернизм в науке – одна из центральных тем западной эпистемологии 80–90-х гг. XX в. Следует отметить особую значимость философии постмодернизма в свете глобальных техногенных проблем современности. Философское осмысление достижений квантовой физики, термодинамики, информатики, теорий игр и катастроф привело к выводу об изменении типа рациональности. Постмодернизм в науке, как правило, ассоциируется с постнеклассическим типом рациональности, который характеризуется повыше-

нием субъективности, гуманности, самокритичности научного познания, пересмотром таких его классических установок, как объективность, истинность.

Существенный вклад в развитие идей постнеклассической науки внес И. Пригожин, подвергший критике принципы классической научной картины мира, где господствуют детерминизм, каузальность, связанные с единственной моделью действительности и ее становления во времени. В противовес И. Пригожин выдвигает новые представления о постнеклассическом научном и художественном творчестве как вероятностных системах с низким коэффициентом вероятности, соответствующих современному образу мира как совокупности нелинейных процессов. Его концепция, связанная с термодинамикой неравновесных процессов и синергетической теорией диссипативных структур, обосновывающей концепцию возникновения порядка из хаоса как потенциальной сверхсложной упорядоченности [1], оказалась созвучной синергетическим трактовкам постмодернистского искусства как самоорганизующейся системы.

Один из известных теоретиков постмодернизма Ж. Ф. Лиотар высказывается об изменении познания в рамках постмодернистской культуры и постиндустриального общества. В технократический век, когда «социальность» управляется компьютером, возникает опасность превращения нового знания в информационный товар. В этой связи возникает необходимость дополнения научного знания ценностно-целевыми критериями, что позволяет сформулировать ряд новых для философии проблем: легитимация знания в информатизированном обществе, повествовательные функции современного научного знания (научное знание рассматривается как своего рода речь) и т. д. Такое научное знание становится предметом исследования лингвистики, кибернетики, машинного перевода, теории коммуникации.

Возрастающая роль использования компьютерных методов получения и распространения информации, потребность переводимости знания на машинный язык приводит к гегемонии информатики и превращению знания в товар. Информация становится средством борьбы за власть.

В контексте данной статьи важно затронуть одну из центральных тем философии постмодернизма – проблему интерпретации «текста», поскольку, как отмечалось ранее, повествовательные стратегии выступают в качестве основополагающих в современной техногенной культуре. Одной из основных характеристик современной гуманитаристики является проблематизация языка как базовой «структуры» культуры. Проблема текста, возникая на пересечении лингвистики, поэтики, литературоведения, семиотики, начинает активно обсуждаться в гуманитарном знании второй половины XX в. Статус текста как одного из центральных философских концептов наиболее последовательно и развернуто утверждается в постструктурализме (зачастую именно с ним принято связывать введение в интеллектуальный обиход термина «текст»).

Постструктуралистские течения – «грамматология» Ж. Деррида, «текстовый анализ» Р. Барта, «семанализ» Ю. Кристевой – переходя от научно ориентированного изучения готового знака к описанию процессов его порождения, по существу лишенных определенной методологии, сближаются с интерпретативными процедурами освоения текста. По мере расширения зоны текстологических исследований их предметом становятся не только вербальные тексты, но и «текст» техники, живописи, кинематографа, архитектуры. В зависимости от установок анализа в качестве «текста» может рассматриваться даже вся система социальных отношений, сплетенная из дискурсивных практик и разнородных кодов («социальный текст»). Таким образом, можно сделать вывод о том, что «текст» становится, в определенной степени, «объединяющей атмосферой» естественных и гуманитарных наук. «Текст» является узловым пунктом междисциплинарного диалога.

Рассмотрим некоторые стратегии отношения к тексту в философии постмодернизма. Так, Ж. Лиотар рассматривает любую форму вербальной организации этого знания как специфический тип дискурса – повествования. Конечная цель этой «литературно» понимаемой философии – придание законченности знанию, на этом пути обычно и порождались повествоовательно организованные философские «рассказы» и «истории», задачей которых было

сформулировать свой «метадискурс» о знании. При этом основными организующими принципами философской мысли Нового времени Ж. Лиотар называет «великие истории», т. е. главные идеи человечества: гегелевская диалектика духа, идеи эмансипации и прогресса, просветительская трактовка знания как инструмента разрешения любых проблем и т. д. [2].

Для Ж. Лиотара век постмодерна в целом характеризуется отказом веры в «великие метаповествования». Специфику постмодернистской культуры, с точки зрения, характерной для нее организации знания, Ж. Лиотар усматривает в том, что в ее контексте «большие повествования утратили свою убедительность независимо от используемых способов унификации» [2]. Собственно, сам постмодерн может быть определен, по Ж. Лиотару, как «недоверие к метаповествованиям», – современность характеризуется таким явлением, как «разложение больших повествований» или «закат повествований» [2].

Постмодерн отвергает всякого рода метаповествования, системы объяснения мира, выдвигая на передний план фрагментарность опыта. Идеалом культурного творчества, стиля мышления и стиля жизни становится в постмодерне коллаж как условие возможности плюрального означивания бытия. Постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи конституирования традиции: ни одна из возможных форм рациональности, ни одна языковая игра, ни один нарратив не является претензией на основоположение приоритетной «метанаррации».

Перманентное настоящее культуры постмодерна принципиально нелинейно. Таким образом, постулируя повествовательные стратегии в качестве основополагающих для современной культуры, философия постмодернизма генерирует идею программного плюрализма нарративных практик.

Ф. Джеймисон развивает мысль Ж. Лиотара, утверждая, что «повествование» – не столько литературная форма или структура, сколько «эпистемологическая категория», которая может быть понята как одна из абстрактных (или «пустых») координат, изнутри которых мы познаем мир, как «бессодержательная форма», налагаемая нашим восприятием на неформ-

ленный сырой поток реальности. Даже представители естественных наук «рассказывают истории» о ядерных частицах. При этом все, что репрезентирует себя как существующее за пределами какой-либо истории (структуры, формы, категории), может быть освоено сознанием только посредством повествовательной фикции, вымысла, иными словами, мир доступен и открывается человеку лишь в виде историй, рассказов о нем.

В отличие от Ж. Лиотара, Ф. Джеймисон считает, что метарассказы не исчезают бесследно, а продолжают влиять на людей, существуя при этом в «рассеянном», «дисперсном» виде, как всюду присущая, но невидимая «власть господствующей идеологии». В результате индивид не осознает своей «идеологической обоснованности», что прежде всего характерно для писателя, имеющего дело с таким «культурно опосредованным артефактом», как литературный текст. Как уже отмечалось, в джеймисоновской трактовке повествование – это способ приведения реальности, состоящей из различных измерений (природно-биологические микро- и макроритмы, время повседневности, экономические циклы, большие ритмы социальной истории) к единой форме. Гетерогенные временные порядки сводятся синтаксическими структурами, сюжетными схемами, жанровыми конвенциями в связное, интеллигибельное целое.

Таким образом, в повествовании непосредственным образом сосуществуют различные измерения человеческого бытия. Интерпретация как анализ конкретного текста неявно стыкуется с историографией как рефлексией над повествованием вообще.

Другой не менее важной стратегией отношения к тексту в философии постмодернизма является деконструктивистская стратегия, связанная с именем Ж. Деррида. Вся деконструктивная практика Ж. Деррида направлена на разрушение однозначности смысла, его смещение, она предусматривает произвольное, своевольное толкование смысла. Это вызвано, прежде всего, попыткой обнаружить нерелефлексивные автором текста зоны, прочитать дальше написанного и задуманного самим автором. Поэтому работа Ж. Деррида с источником ино-

гда может быть воспринята как «извращение» содержания и смысла текста.

В рамках данной проблематики весьма уместно упомянуть о теории нелинейного письма. Следует отметить, что в разработанной Ж. Деррида концепции письма как категории самостоятельной и фундаментальной, а не служебной и вторичной, как это понималось до сих пор, идея нелинейного письма занимает важное место. Ж. Деррида замечает, что современное мышление становится все более нелинейным, и это должно найти свое отражение в формах письма. Он уверен, что в предстоящую эпоху нелинейное письмо станет реальным фактом культуры, лишив монополии линейный текст, книгу.

Д. А. Силичев в статье «Деррида Ж.: Деконструкция, или Философия в стиле постмодерн» [3] упоминает об описании Д. Энгельбартом и Т. Нельсоном техники создания и чтения нелинейного, многомерного текста («гипертекста», как назвал его Т. Нельсон) при помощи компьютера. Смысл использования компьютера состоит в том, что он способен вынести текст за пределы геометрически организованного пространства, т. е. плоскости (страницы) и последовательно примыкающих друг к другу плоскостей (книги). Компьютер может поместить элементы текста в топологическое пространство. В этом пространстве от каждого смыслоносущего элемента текста можно перейти не к одному единственному, непосредственно следующему за ним, а ко многим другим элементам, которые по тем или иным основаниям могут быть сопоставлены с ним.

Таким образом, связь в гипертексте носит не просто смысловой характер; наличие связи здесь означает технически обеспеченную возможность перехода к соответствующему смыслоносущему элементу (текстовому фрагменту, фразе, слову), т. е. возможность вызвать его для прочтения. Совершая переход от одного смыслоносущего элемента к другому, читатель реализует каждый раз одну из многих возможностей продолжения чтения. Он тем самым самостоятельно выстраивает траекторию своего движения в многомерном смысловом пространстве нелинейного текста. В гипертексте нет иерархической структуры, нет фиксированного начала и конца; здесь нет и замкнутости, при-

сущей обычному, линейному тексту. Сеть связей, о которых идет здесь речь, устанавливается не между элементами, частями изначально единой текстовой конструкции, а между текстами, записями, следами фиксации мысли как таковыми («граммами»).

Иерархическая выстроенность, последовательность смыслоносущих элементов текста ориентирует на восприятие его содержания как единого организованного целого, отсекая, не впуская в текст все ответвления мысли, все возможные траектории ее движения, которые не вписываются в эту организованность. Вся внутренняя организация книги ориентирована на то, чтобы читатель как можно раньше осознал структуру, логическую схему передаваемого содержания и на этой основе, воспринимал бы его как целое во всей конкретности. Функционирование книги в культуре выработало установку на восприятие содержащегося в ней смысла как полного, гомогенного, развертывающегося последовательно и непрерывно.

Деконструкция вскрывает ограниченность линейного текста как такового, текста, репрезентирующего некоторую основную мысль. Этот текст стремится подчинить мысленную и текстовую реальность линейной схеме, а она не вмещается в нее. Нелинейное письмо, размыкая одномерность текста, дает простор движению мысли, дает возможность двигаться по разным направлениям, совершать переходы в другие измерения.

На наш взгляд, неверно считать деконструктивизм совершенно негативным разрушительным течением. В процессе анализа деконструкция обязательно воссоздает объект в новой форме: предмет разбирают и вновь собирают. При всей своей внешней агрессивности деконструктивизм на более глубоком уровне предлагает щадящий режим для текста.

Методология текстового анализа Р. Барта выделяет объектом изучения текст, а также новый язык, на котором следует говорить об этом объекте, «чтение – письмо». Сам переход от структурализма к постструктурализму мыслится Р. Бартом как переход от анализа произведения к «текстовому анализу». По Р. Барту, «текстовый анализ не ставит себе целью описание структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчи-

вую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста (структуризацию, которая меняется от читателя к читателю на протяжении Истории), проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания» [4].

По мнению Р. Барта, задача текстового анализа состоит в том, чтобы попытаться уловить и классифицировать отнюдь не все смыслы текста, а, скорее, те формы, те коды, через которые идет возникновение смыслов текста. Под смыслом Р. Барт понимает «не значение слов или словосочетаний, которое фиксируется в словарях и грамматиках», а «коннотации лексии, ее вторичные смыслы» [4]. «Эти коннотативные смыслы могут иметь форму ассоциаций; они могут также представлять в форме реляций, когда устанавливается отношение между двумя местами текста, иногда очень удаленными друг от друга» [4]. Текстовый анализ должен «строиться по принципу постепенного продвижения: шаг за шагом мы должны пройти весь текст... Это значит, что мы не будем стремиться к выделению больших... текстовых масс; не будем составлять план текста, не будем выявлять его тематику; короче, мы не будем заниматься экспликацией текста... Мы будем именно «развертывать» текст, страницу за страницей, слой за слоем. Ход нашего анализа будет совпадать с ходом обычного чтения, но это чтение пойдет как бы в замедленной съемке» [4].

Р. Барта не слишком беспокоит то, что в процессе анализа могут быть упущены из виду какие-либо смыслы. Потеря смыслов есть в известной мере неотъемлемая часть чтения, необходимо показать отправные точки смыслообразования, а не его окончательные результаты. «Основу текста, составляет не его внутренняя, закрытая структура, а его выход в другие тек-

сты, другие коды; текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу его интертекстуальности» [4].

Таким образом, философия постмодерна задает иные стратегии по отношению к тексту в сравнении с классической традицией. Текст абсолютно «свободен», ибо лишен целостности, жесткой структуры, будучи организован как ризома, он лишен центра. Постмодернистская текстология в значительной мере отказывается от традиционных претензий на целостность смысла, жесткую структурность, в постмодернизме взамен предлагаются иные приоритеты, текст становится «самостоятельным» и «свободным», он больше не детерминирован неким гарантом извне и становится все более процессуальным.

ВЫВОД

Принципы постмодернистской текстологии во многом созвучны идеалам постнеклассической рациональности. Нелинейный, аструктурный постмодернистский текст в определенной степени отражает современный техногенный образ мира как совокупность нелинейных, энтропийных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 12.
2. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: Доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
3. Силичев Д. А. Деррида Ж.: Деконструкция, или Философия в стиле постмодерн // Философские науки. – 1992. – № 3. – С. 103–117.
4. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 424–461.